

Покидая долину, Чанькунь Чжуоюй с мягкой улыбкой похвалил чай Сотни Цветов за изысканный вкус и, словно в ответ на его скромное пожелание, получил в дар пузырёк яда, способного пропитать даже самый ценный меч, после чего ушёл прочь с выражением довольства на лице, будто обрёл нечто большее, чем просто трофей.

Ли Синлунь наблюдал, как его мастер, не сумев получить желанный чай, неожиданно оказался в обладании ядом, о котором культиваторы по всему миру могли лишь мечтать, и при этом сохранял вид человека, получившего ровно то, что просил; он хотел было рассмеяться, но в горле стоял смех сквозь слёзы, ибо понимал, что за этой внешней невозмутимостью скрывается тихое разочарование, а может быть даже лёгкая грусть. И всё же, глядя на своего мастера, Ли Синлунь не мог не почувствовать, как невольно трепещет сердце от нежности — этот великий человек, достигший, возможно, самой высокой ступени Великого Вознесения, чьи истинные границы силы даже он сам не мог определить, был в эти мгновения до боли человечен, и это делало его ещё более недосыгаемым, как звезду, случайно опустившаяся к земле. Во всём этом не было вины секты Сотни Цветов.

В мире культивации духовные чаи ценятся за способность ускорять продвижение по пути Дао, однако для Чанькунь Чжуоюя, чья сила давно превосходила пределы обычных практик, такой чай был ничем иным, как водой, лишённой смысла. Предлагать ему нечто столь обыденное значило бы оскорбить его достоинство, и потому секта, стремясь проявить почтение, преподнесла то, что считала под стать его величию — редчайший яд, созданный веками тайн Мяоцзян

Но никто не мог знать, что единственное, о чём мечтал Чанькунь Чжуоюй, — это простой, вкусный чай, тёплый, как воспоминание о далёком доме, которого у него, возможно, никогда и не было.

Перед Ран Цэньцзинь он хранил облик безмятежного отшельника, чуждого мирским желанием, но Ли Синлунь, знавший его ближе всех, чувствовал, как внутри этого великого человека, возможно, тихо плачет душа, обременённая тысячелетиями одиночества и равнодушия мира. Ему так хотелось, вопреки всем правилам ученической почтительности, положить руку на плечо своего мастера, провести ладонью по его волосам, как поступают старшие с младшими, чтобы утешить и согреть, но он лишь сдерживал улыбку, полную любви и печали, понимая, что этот момент принадлежит только им двоим, и что вся эта ситуация, абсурдная и трогательная, стала ещё одним шагом на длинном пути, который они прошли вместе.

Теперь же к ним присоединилась и Ран Цэньцзинь, и пока они не найдут тайник Сюэ Цяньцзе, освободиться от неё будет невозможно, ведь именно она должна была оплатить все расходы на их путешествие, и потому приходилось терпеть её присутствие ещё некоторое время, как каприз судьбы, навязанный случайностью.

Ран Вэйжань с завистью смотрел, как его сестра шагает рядом с Чанькунь Чжуоюем, будто имеет право быть частью этой легенды. Сюэ Цяньцзе был тем, чье имя было овеяно мифами в истории секты Сотни Цветов, и даже краткое сопровождение такого существа уже становилось поводом для гордости у потомков, которые будут пересказывать это поколениям, как священную нить в ткани времени.

Едва выйдя за пределы Долины Сотни Цветов, Ран Цэньцзинь тут же предложила отправиться прямо в горы демонической секты, но неторопливо отмахнулся, произнеся с тихой, но непреклонной интонацией:

— Нет нужды торопиться. — Тихо, но непреклонно ответил Чанькунь Чжуоюй— Сяо Син ещё не достиг студии Золотого Ядра. Мы пойдём пешком.

— Наставник Сюэ, — поспешила вставить Ран Цэньцзинь, стремясь проявить себя и показать свою ценность, — я могу использовать своё положение главы секты Сотни Цветов, чтобы провести вас внутрь гор. Наличие при мне ученика уровня Формирования Основы, вполне разумно, и демоническая секта обязана будет сохранить ко мне уважение.

Эти слова были искусно выстроены: они одновременно льстили статусу Наставника Сюэ и унижали лису-соблазнительницу Пэй, намекая, что тот всего лишь слуга, достойный лишь быть рядом, но не признаваемый как равный. Сама Ран Цэньцзинь с трудом скрывала удовлетворение от собственной хитрости, ведь она никогда не любила коварства Центральных равнин, но перед самым отъездом Учёный Бай вновь и вновь предупреждал её, что Пэй Синчэнь — человек глубоко расчётливый, и если она будет действовать слишком прямо, он непременно обернёт её честность против неё самой. Поэтому он быстро обучил её нескольким простым приёмам ментальной игры, и, будучи умной, Ран Цэньцзинь усвоила их ... вот только направление её понимания слегка исказилось, как река, свернувшая с русла из-за одного камня.

— Не нужно, — спокойно ответил Чанькунь Чжуоюй, бросив короткий взгляд на Ли Синлуня, — поиск хранилища предназначен для того, чтобы укрепить силу Сяо Сина. А когда он станет сильнее, все эти мирские вещи потеряют для меня какой-либо смысл.

Ли Синлунь едва сдержал смех, но вовремя оперся на плечо мастера, словно для равновесия, и бросил в сторону Ран Цэньцзинь взгляд, полный тихого триумфа, как будто говоря: ты проиграла, не сделав и шага.

Ран Цэньцзинь: «...»

— Учитель, — внезапно спросил Ли Синлунь, когда они уже шли по извивающейся тропе среди утреннего тумана, — вы всё ещё хотите вернуться как глава демонической секты?

Чанькунь Чжуоюй замедлил шаг, задумался на мгновение, словно взвешивая прошлое и будущее на весах божественного разума, и затем с полной серьёзностью ответил:— Делать снова то, что уже было сделано... скучно.

— Тогда, Учитель, вам следует больше не использовать имя Сюэ Цяньцзе. Отныне вы — Чанькунь Чжуоюй. Главе секты нет нужды называть вас «Наставником», ведь вы и не собираетесь возвращаться к этому статусу. Демоническая секта для вас сейчас не более чем пылинка, которую можно сдуть одним движением руки, и она недостойна носить ваше имя.

— Хорошо, — чуть заметно кивнул Чанькунь Чжуоюй, и в этом кивке прозвучало окончательное прощание с прошлым.

Когда-то он думал, что где-то там, в глубинах забытых гор, остались те, кто ждёт его возвращения, их хранит верность его имени. Но, внимательно все взвесив, он понял, что за тысячу лет, его последователи либо погибли в испытаниях крови и смерти, либо растворились в потоках Порядка Небес, как дым в ветре. Преданность секты Сотни Цветов основывалась лишь на личном восхищении их нынешнего главы. Осознав, что никто не ждёт его, что его имя стало лишь эхом в пустоте, Чанькунь Чжуоюй почувствовал странную пустоту в груди, не боль, но скорее усталость вечного странника, и потерял интерес к тому, чтобы вновь собирать вокруг себя последователей, будто собирать рассыпанные звёзды.

Ран Цэньцзинь: «...»

Искусство войны Центральных равнин оказалось глубже, чем она могла вообразить. И в этом бескрайнем океане хитростей и двойных смыслов она ещё была новичком!

Трое путников продолжили путь сквозь узоры недомолвок и тонких уколов, словно плывя по тихой реке, где каждый вёл свою игру под маской спокойствия, и наконец добрались до маленького городка в Мяоцзян, с которого когда-то началось их странствие.

Чайная, где они пили чай при первой встрече, оказалась одним из предприятий секты Пяти Ядов, подчинённой секте Сотни Цветов; эта секта имела немало деловых интересов в Мяоцзян и ежегодно платила дань своей покровительнице, так что Ран Цэньцзинь, будучи главой высшей секты, никогда не испытывала недостатка в средствах. После ночёвки в гостинице, принадлежавшей секте Пяти Ядов, Ли Синлунь предложил купить лошадей.

Для культиваторов покупка лошадей была почти абсурдной — они летали, пересекая горы и реки, кто бы стал тратить на животных? Но днём ранее Ли Синлунь заметил, как Чанькунь Чжуоюй, бродя по узким улочкам Мяоцзян, с тихим интересом разглядывал простые лавки, старинные вывески и повседневную жизнь людей, будто впервые видел мир, не замутнённый духовной энергией и боевыми техниками. Хотя торговля здесь была невелика, город казался забытым временем, ничем не напоминая шумные столицы Центральных равнин, но именно в этой тихой, немного печальной обыденности Чанькунь Чжуоюй находил что-то завораживающее. Он был настолько погружен в любованье, что чуть было не выдал себя перед Ран Цэньцзинь, позволив себе слишком живую реакцию на деталь, достойную лишь прохожего.

Ли Синлунь понял, что он хочет подарить своему мастеру возможность жить медленнее, почувствовать ритм человеческого мира, пусть даже на время. Он предложил купить лошадей от имени Чанькунь Чжуоюя, заявив, что теперь ему некуда торопиться, и вместо поиска сокровищ он намерен укрепить свой поздний этап Формирования Основы и лишь затем найти место, богатое духовной энергией, чтобы совершить прорыв к Золотому Ядру. Раз так, зачем спешить? Лучше приобрести нескольких верных коней, отправиться в неторопливое странствие и позволить Чанькунь Чжуоюю попробовать на вкус перемены жизни, как пробует человек, впервые ощутивший запах дождя после долгой засухи.

Ведь его имя « Чжуоюй» — означало «простодушный», «неотёсанный». И действительно, потерявший память о прошлом, он был словно необработанный нефрит, нуждавшийся в трении времени, в прикосновениях мира, чтобы постепенно обрести форму, блеск и внутреннюю силу истинного сокровища.

При покупке лошадей Ли Синлунь нарочито достал монеты, настаивая, что сам оплатит расходы, не желая, чтобы его мастер тратился. Это был момент, идеальный для демонстрации преданности. Но как могла Ран Цэньцзинь допустить, чтобы этот наглец лишил её возможности проявить щедрость? Не раздумывая, она расплатилась за трёх великолепных скакунов и бросила в сторону Ли Синлуня вызывающий взгляд, полный торжества.

Ли Синлунь: «...»

То, что люди секты Сотни Цветов, такие наивные и прямолинейные, сумели выжить в этом жестоком мире столь долго, казалось ему чудом, противоречащим всем законам культивации.

А Чанькунь Чжуоюй, который хотел веселья, но не мог прямо сказать об этом, дабы не нарушить образ безмятежного отшельника, был втайне восхищён тем, как Ли Синлунь взял на себя ответственность за эту прихоть. Взгляд, которым он одарил своего ученика, был мягким, как свет луны на поверхности озера, и в нём читалась благодарность, которую он никогда не произнёс бы вслух.

Ран Цэньцзинь: «...»

Группа никуда не торопясь брела сквозь долины и перевалы целый месяц, пока наконец не достигла предгорий горы Шу.

Гора Шу была особенным местом среди праведных сект мира культивации — на ней находилась величайшая секта культиваторов следующих пути меча.

Мечникам чтобы достичь настоящего просветления, приходилось идти дорогой крови. Душ, павших под клинками учеников Горы Шу, было не меньше, чем на пути демонов; однако секта строго соблюдала свои законы и никогда не поднимала меча на невинных. Все, кто погибал от их стали, были людьми с кровью на руках, злодеями, чьи деяния портили гармонию мира. Именно поэтому, несмотря на то что ученики Горы Шу убивали сотни, а то и тысячи, вокруг них витал воздух праведности, их мечи были свирепы, но не злы, остры, но не порочны.

Мечники полагались на свой клинок как на продолжение души, и чем глубже становилось их понимание меча, тем дальше простирались их шаги в Дао. Однако сохранять первоначальное сердце, стоя на горе трупов и в море крови, было чрезвычайно трудно, и потому их продвижение было медленным. Но если сравнивать двух культиваторов одного уровня, мечник всегда оказывался сильнее. Один их культиватор уровня Зарождения Души мог сразиться одновременно с тремя мастерами того же уровня и выйти победителем. Всемирно признавалось, что в боевой мощи мечники превосходили всех — будь то праведные или демонические секты.

Но именно из-за такой суровой практики мечники были наиболее склонны к падению в демонический путь.

Падшие ученики Горы Шу давно уже вошли в историю мира культивации. Казалось, что каждую тысячу лет или около того один из самых добродетельных наследников главы секты неизбежно терял путь, превращаясь в могущественного демонического культиватора, будто сама Гора Шу была обречена на проклятие.

Все эти падшие в конечном счёте были уничтожены самой сектой, их демоническая сущность извлекалась и навечно запечатывалась в Запретной земле Горы Шу. До сих пор никто не знал, сколько демонической энергии там накопилось. Ходили слухи, что Запретная земля на самом деле соединена с царством демонов.

Демоны отличались от демонических культиваторов: последние выбирали иной путь культивации, возможно нарушая законы природы, неприемлемый для мира, но всё же имели свой Дао и не теряли полностью человеческой сути. Демоны же не были ни людьми, ни зверями — они не принадлежали к живым существам Неба и Земли. Они представляли собой слияние чистой демонической энергии, движимые лишь инстинктом разграбления и вторжения, постоянно стремясь проникнуть в мир культивации.

Ходили догадки, что частые падения учеников Горы Шу не имели отношения к их методу культивации, а происходили потому, что демоны периодически выбирались из Запретной земли и искушали молодых мечников, втягивая их во тьму.

Более того, некоторые утверждали, что Сюэ Цяньцзе, появившийся ниоткуда две тысячи лет назад, был на самом деле предателем с Горы Шу.

Услышав это, глаза Чанькунь Чжуоюя вдруг засветились, в них будто вспыхнули далёкие звёзды, затерянные в бездонной тьме морей, и в этом свете отразилось нечто большее, чем просто интерес: это был отблеск судьбы, касающейся своей нити.

Ли Синлунь, хорошо знавший своего мастера, почувствовал, как внутри него поднимается лёгкая паника.

— Учитель, мне кажется, здесь хорошая духовная энергия. — Собрав всю волю в кулак, с невозможным видом сказал он — Я хочу совершить прорыв к Золотому Ядру именно здесь.

До этого момента Ран Цэньцзинь, хоть и недолюбливала Ли Синлуня, все же старалась избегать открытых конфликтов.

— Три демонических культиватора практикуют в землях праведной секте меча Горы Шу, вы хотите, чтобы нас всех убили?! — Не вы держав этого безумия, закричала она.

Но Чанькунь Чжуоюй лишь кивнул, его лицо оставалось спокойным, а взгляд был все так же наполнен снисходительной добротой.

— Как пожелаешь.

Ран Цэньцзинь: «...»

<http://bllate.org/book/14629/1297993>